

УДК [726+902/904](476.5–21Полоцк)«10/11»

О ДАТИРОВКЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛОЦКА XI–XII ВЕКОВ

И.З. ЗАЛИЛОВ

Уточняются датировки памятников архитектуры раннесредневекового Полоцка (XI–XII вв.), как сохранившихся до наших дней (Спасо-Преображенская церковь), так и известных только по письменным и археологическим источникам (храм-усыпальница и церковь Пресвятой Богородицы новой). Используются такие источники как: граффити Спасо-Преображенской церкви и неопубликованные результаты дендрохронологического анализа деревянных субструкций этого храма. Выводы автора статьи небесспорны, но они будут интересны специалистам различного профиля, изучающим историю Беларуси, и могут быть поводом для дискуссии по этому вопросу.

Введение. Полоцк в свое время был богат на архитектурные памятники раннего средневековья. На начало XXI века на основании письменных и археологических источников известны, по крайней мере, 10 культовых зданий, построенных из плинфы.

Основная часть. Полоцкая епархия основана в 992 году. Выходит, что строительство этих 10 храмов велось на протяжении двух веков: XI и XII. Лишь только один из них – Софийский собор – отнесен исследователями средневековой архитектуры к XI веку (1044–1066 гг.). Явный перевес в пользу XII века (9 храмов из 10-ти) удивляет. Скорее всего некоторые из этих храмов следует отнести к XI веку. В этом вопросе есть маленький нюанс, который настраивает на определенные размышления. Всех специалистов по раннесредневековой архитектуре Полоцка удивляет следующий факт: кладка стен храмов из плинфы с утопленным, или скрытым рядом, характерная для всех храмов Руси только для X–XI вв., в Полоцке сохраняется и в XII веке. Что это? Упрямый консерватизм полоцких зодчих или результат погрешностей специалистов в датировке этих строений? Скорее всего и то и другое.

В 1967 году археолог М.К. Каргер обнаружил и изучил на территории женского монастыря остатки безымянного храма, который он назвал храмом-усыпальницей на основании того, что в его галереях, окружавших здание с трех сторон, были обнаружены склепы с многочисленными мужскими захоронениями [4, с. 240–247]. Он датировал этот храм началом XII века. Изучением церкви в 1976 году занимался П.А. Раппопорт, который датировал ее первой половиной XII века [13].

Называя обнаруженную им церковь храмом-усыпальницей, М.К. Каргер опирался на сведения из Жития преподобной Евфросинии, в котором о месте Сельцо говорится как о «метохии» (подворье) Святой Софии и о месте, «...иде же братия наша лежат, прежде нас быша епископи». Прочитанная из жития фраза, сказана епископом Илией около 1125 года. Слово «братия» во множественном числе предполагает не менее двух епископов, погребенных в склепах храма-усыпальницы до епископа Илии, который, вероятно, пополнил после своей кончины в 1128 году ряды своей «братии». До епископа Илии свое место в храме занял в 1116 году епископ Мина. Епископ Мина был поставлен митрополитом Никифором в 1105 году. В 1104 году сам Никифор был поставлен в митрополиты в Константинополе.

Но митрополит Никифор до 1096 года возглавлял епископскую кафедру в Полоцке. После кончины митрополита Ефрема в 1096 году князь Святополк Изяславич с одобрения епископов избирает епископа Полоцкого Никифора митрополитом. Об этом событии летописи умалчивают. Но о нем сообщает В.Н. Татищев [20, с. 109]. Сведениям В.Н. Татищева о Полоцке можно доверять, так как он пользовался в своей работе Полоцкой летописью (т.н. «Список Еропкина»), которая сгорела во время пожара Москвы в 1812 году. Тем более, что сведение об избрании Никифора русским митрополитом согласуется с погодными летописными записями о нем 1104–1105 гг. Избранный русским митрополитом Полоцкий епископ Никифор не был полноправным до своего поставления в русские митрополиты Константинопольским патриархом, т.е. не имел права поставлять епископов на Руси. Лишь только после своего возвращения из Константинополя 6 декабря 1104 года в качестве поставленного и посаженного, 18 декабря этого же года он поставляет епископов на Руси: во Владимире, Переяславле и Полоцке [5, с. 270].

Мина стал полноправным епископом Полоцким только после своего поставления митрополитом русским Никифором 13 декабря 1105 года. До этого дня с 1096 года он, видимо, был только избранным главой Полоцкой епархии, так же как и его предшественник (бывший Полоцкий епископ Никифор) был только избранным главой Русской церкви с 1096 по 1104 гг. [5, с. 270].

В 1121 году он преставился в Киеве, где и был захоронен как митрополит. Таким образом, он не попал в число епископов, которые были погребены в храме-усыпальнице на Сельце, и только епископ Мина был захоронен в нем в промежуток времени от 1096 по 1128 гг.

Но об одном человеке не говорят во множественном числе «братия». Значит, в храме-усыпальнице был захоронен, по крайней мере, еще хотя бы один епископ, предшественник Никифора

на полоцкой епископской кафедре. С 1096 года по 1128 год в г. Полоцке было два епископа: Мина и Илия. Простой подсчет дает в сумме 32 года. К этой сумме необходимо прибавить хотя бы года 4, в которые Никифор был епископом в Полоцке. Итого 36 лет. В среднем получается на каждого епископа 12 лет. От предполагаемого нами года поставления Никифора епископом Полоцким (1092 год) отнимем усредненную сумму службы каждого епископа и получим 1080 год – максимально поздний год постройки храма-усыпальницы на Сельце. Но 1080 год – это XI век, но никак не XII.

При изучении граффити церкви Спаса естественно проводился поиск аналогов начеркам букв по векам. Для этой цели привлекались и надписи на фрагментах фресковой штукатурки храма-усыпальницы¹. Бесспорно точных аналогов начеркам букв самых ранних (XII в.) граффити церкви Спаса не найдено. Буквы дипинти как бы сошли со страниц старейших русских памятников: «Изборника» Святослава и Остромирова евангелия, датированных XI веком.

Погодные записи Повести временных лет (Лаврентьевский список 1377 г.) в сопоставлении со сведениями Жития преподобной Евфросинии позволяют отнести время строительства храма-усыпальницы к XI веку. Об этом же времени говорят и данные архитектурной археологии – кладка плитин с утопленным рядом и надписи – дипинти церкви-усыпальницы.

XI век в истории Полоцка занимает особое место. В течение всего столетия (1001–1101 гг.) Полоцкое княжество возглавляли два князя – Брячислав и Всеслав. Относительная внутривосточная стабильность Полоцкой земли в XI веке способствовала укреплению ее экономического положения, а значит и материальных возможностей для строительства каменных храмов. Можно без преувеличения утверждать, что золотым веком Полоцкой земли во всех отношениях был именно XI век.

Широкие возможности уточнения датировки архитектурных памятников раннесредневекового (XI–XII вв.) Полоцка, вероятно, появятся после проведения архитектурно-археологических исследований на территории Верхнего Замка, которая недавно стала максимально доступной для изучения. Но это в будущем. В настоящее время для этих целей необходимо сосредоточиться на уже имеющихся источниках по этому вопросу. В частности, недавно открылись новые данные для прояснения даты постройки Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского женского монастыря.

О том, что этот шедевр средневекового зодчества Полоцка был возведен в XII веке, писали и до сих пор пишут все специалисты. Исследователи сходятся на том, что возможные сроки строительства Спасо-Преображенской церкви в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке находятся в промежутке времени от 1125 года, когда архиепископ Илия дал в дар Евфросинии место на Сельце для устройства женского монастыря, до 1161 – года создания ювелиром Лазарем Богшей креста-реликвария для уже построенного храма Спаса. Причем преобладает мнение о более поздней дате в этом промежутке времени. В.Д. Сарабьянов считал, что храм Преображения был построен в 1161 году [16, с. 16].

Эти тридцать шесть лет (1125–1161 гг.) земной жизни преподобной были насыщены трудами по созданию двух монастырей – женского, с церковью Спаса, и мужского, с храмом Богородицы, в которых она была игуменьей одновременно – случай уникальный в церковной истории. На эти же годы приходится и время княжения на полоцком княжеском столе родного брата Предславы-Евфросинии Василько Святославича. Годы его правления 1132–1143. Некоторые исследователи считают эти годы самыми благоприятными для строительной деятельности игуменьи [17, с. 89–90]. Ведь поддержка родного человека, обладавшего огромной властью и средствами, была существенной для ведения строительных работ.

В начале княжения Василько Святославича преподобной Евфросинии было от 24 лет до 31 года, в конце – от 35 до 42 лет. Это возраст самой высокой жизненной активности любого человека. Здравый смысл подсказывает, что строительство двух храмов – Спасского и Богородицкого – велось Евфросинией в 30-е гг. XII в. Но когда именно?

В круг изучаемой литературы о земной жизни преподобной вошли исследования певческих циклов о Евфросинии Полоцкой. Исследователь этих циклов Н.С. Серегина пришла к выводу, что все поздние списки этих циклов XVI–XVII вв. восходят к оригинальному списку XII в.

Анализируя эти рукописи, она пишет: «Заголовок службы в этих списках везде одинаков: «22 мая в этот день Евфросиния, игуменья Всемилового Спаса, иже монастырь созда в Богом спасаемом граде Полоцке лета 6601» [18, с. 52–53].

Дата основания монастыря 6601(1093) год нереальна. К этому времени еще не появилась на свет будущая игуменья монастыря. Но в этой цифре все же есть данные, которые позволяют восстановить подлинную дату строительства монастыря, а значит и церкви Спаса-Преображения.

Первоначальный список певческого цикла о Евфросинии Полоцкой восходит к XII в. Дата в заголовке службы в этом списке также должна относиться к XII в., а не к XI. Это логично.

¹ Это не граффити, а т.н. дипинти – надписи, прорисованные краской по фресковой поверхности. Они приводятся в прекрасно иллюстрированной книге «Полоцкое радование» [с. 48].

Писец в XVI в., списывая текст с ветхой рукописи XII в., видимо, столкнулся с определенными трудностями в своей работе. Он не совсем успешно справился со сложностями в понимании, а значит и в передаче текста ветхого списка XII в.

О возможных ошибках при переписывании «Ветхого летописца», составленного игуменом Михайловского монастыря в Киеве в 1116 (6624) г. Силивестром для князя Владимира Мономаха, писал, закончив свой тяжкий труд, монах Лаврентий в 1377 (6885) году: «И ныне господа отцы и братья ожеся где буду описаль, или переписаль, или не дописаль, чтите, исправляя, бога деля, а не кляните. За неже книги ветшаны, а умь молодь не дошель» [5, с. 274, 463–464].

Д.С. Лихачев, перечисляя ошибки писцов при переписке рукописей, указывал, что характернейшей их ошибкой была передача кириллической цифири [6, с. 65–66]. На пропуски и неверные написания цифровых разрядов переписчиками обращают внимание Л.В. Черепнин, А.А. Турилов [21, с. 35], [23, с. 69–73].

Вероятно, такого рода ошибка и закралась в передачу даты постройки Спасского монастыря в Полоцке. Потеря при переписке цифры, обозначающей десятки, превратила XII в. в XI.

Как это могло произойти? Просто из-за невнимательности переписчика. Даты от сотворения мира в XII в. писались, например, так: *SXMA – 6641. Возможность пропуска цифры увеличивалась многократно, если годовая дата в ветхом списке XII в. была записана с выносом цифры десятков вверх строки под титло, что часто делалось писцами в целях экономии места на дорогом писчем материале – пергамене – *SX^MA. Пропуск цифры в новом списке давал дату не XII, а XI века (*SXA – 6601). Возвращение любой цифры десятков возвратит эту дату в XII в.

Таких букв-цифр девять: I – 10; K – 20; L – 30; M – 40; N – 50; Ẓ – 60; O – 70; П – 80; Ч – 90. Оглядывая земную стезю преподобной – 1104 (1108) – 1167 (1173), можно, не рассматривая, исключить из этого ряда три первые цифры как слишком ранние и три последние, которые дают слишком поздние даты. Основанием для исключения служит здравый смысл и опорные даты: 1125 – год дарения епископом Илией Евфросинии места в Сельце для строительства монастыря и 1161 – год изготовления мастером Лазарем Богшей креста для уже построенной церкви Спаса. Остаются три цифры десятичного ряда: M – 40; N – 50; Ẓ – 60. Буква Ẓ имеет такую форму, что ее невозможно не заметить и пропустить, тем более ее никогда не выносили вверх строки под титло, во всяком случае, таких примеров нет. Ее также следует исключить. Остаются две цифры: M – 40; N – 50. однако предпочтение следует отдать цифре M – 40, и вот почему. В ряду цифр XMA цифра M усугубляет однообразие начертаний букв и как бы подчеркивает, провоцирует свою незаметность. Буква же N не может быть не замечена, так как она своими «мачтами» прерывает однообразие букв в строке – XNA. В итоге остается лишь одна цифра десятичного ряда, которую пропустил переписчик в XVI в. Это цифра M – 40. Вся дата теперь может быть восстановлена – *SXMA – 6641 г. от сотворения мира или 1133 г. от Рождества Христова.

Реальность такой датировки подтверждает дендрохронологический анализ деревянных конструкций из алтаря и столпов церкви. Результаты анализа, который провел в 2015 г. ведущий научный сотрудник Института экспериментальной ботаники кандидат биологических наук М.В. Ермохин, еще не опубликованы, но дата 1133 год входит в ряд годов предварительного исследования, который начинается 1125 и заканчивается 1134 годом. Причем в этом ряду больше ранних, чем 1133 год, дат, что вполне объяснимо – древесина должна была после спила какое-то время сохнуть до ее включения в кирпичную кладку.

Эта дата может быть принята как возможный год строительства Спасо-Преображенской церкви и как отправная точка для определения года постройки церкви Богородицы мужского монастыря. Ведь в житии преподобной прямо написано, что мужской монастырь и церковь во имя Пресвятой Богородицы были построены после полного завершения строительства церкви Спаса. Нет никаких оснований сомневаться в этом.

Определение же 1161 года, как даты постройки в женском монастыре церкви Спаса, после постройки храма Богородицы и основания мужского монастыря, вызывает недоумение. Трудно поверить в то, что Евфросиния, получив в дар в 1125 г. место в Сельце для строительства женского монастыря, ждала целых 36 лет, чтобы решиться, наконец, построить в монастыре каменный храм. Исследователи, предпочитающие отодвинуть дату строительства каменной церкви в женском монастыре к 1161 г., приводят как аргумент в пользу принятия такой даты то обстоятельство, что в монастырь входила каменная церковь-усыпальница, которой было вполне достаточно для проведения служб. В этом вопросе помогает разобраться житие преподобной.

Тщательное прочтение списков жития, собранных и изученных исследователем А.А. Мельниковым [8], позволяет не только предположить, но и утверждать, что епископ Илия передал в дар Евфросинии не все Сельцо, а только его часть с деревянной «церковицей» Святого Спаса. Совсем не случайно во всех списках жития так много места уделено передаче участка земли с «церковицей» на Сельце. Этой передаче предшествовали видения Ангела Евфросинии и Илии. Евфросинии: «...поим ю Ангел и

веде ю идеже бе церковица Святаго Спаса метохия и Святой Софии, яже зовящется от людей Селце. И ту показа ей ангел Господень, глаголя: “Еуфросинии! тут ти подобает быти”» [8, с. 227]. Или: «...явися епископу Илии тѣм же аггел, глаголя: “Введи рабу Божию Ефросинию в церквцу Святаго Спаса, на рекомое Селце место...”» [8, с. 227].

После этих видений происходит встреча и беседа Илии и Евфросинии на которой владыка говорит: «...То есть ти церковица Святаго Спаса в Селци, идеже братья наша лежат – прежде нас бывшии епископи. Да негли Бог поспешит ти молитвами их и трудом твоим, и возградит место велико» [8, с. 228]. Отдельные слова Илии требуют перевода на современный русский язык, чтобы был понятен их конкретный смысл: ти – ‘тебе’; негли – ‘может быть’; поспешит – ‘поможет, пособит’ [19, с. 371, 1254]. Тогда эта фраза читается так: «Это есть церковица Святаго Спаса в Сельце, где братья наши лежат, прежде нас бывшие епископами. Да может быть Бог поможет тебе молитвами их (бывших епископов) и трудом твоим, и возградит место велико». Смысл этих слов: «Даю тебе малое, но твоими трудами оно будет велико». Только после этого разговора: «...Призвав же епископ князя Бориса, стрья (дядю по отцу – И. 3.) ея, и отца ея Георгия, и преподобную Еуфросинию, и сильныя честныя мужи, и постави я сам на ся послухи, рек: “Се отдаю Еуфросинии место Святаго Спаса при вас, да по моем животе никтоже не посудит моего дания”» [8, с. 229]. Речь епископа как будто бы прочитана с дарственной грамоты, об этом же говорит и присутствие именитых «послухов» (свидетелей). Она и начинается с обычного для духовных и дарственных грамот слова «се». «И се слышавше князи оба и бояре вси от епископа, и поклонистася ему, глаголюще тако: “Ей, владыко святыи, се ти есть Бог положил на сердци твоом, еже сице умыслил о отроковице сей, творя попечение о ней”» [8, с. 229]. На что Евфросиния отвечает: «Рада иду, и якоже Бог повелит ми, тако и воля Господня да будет о мне». «Князи и бояре вси слышавше от преподобныя Еуфросинии глагол сей, и възрадовашася вси...» [8, с. 229].

В этом описании чувствуется какая-то недосказанность, как будто был еще какой-то вариант решения вопроса, но епископ решил, что будет именно так.

Илия вынужден был так поступить, выделив для будущего монастыря только малую часть того, что он мог бы дать, но не имел на это права и даже желания. Права владыки на передачу храма-усыпальницы полоцких епископов были ограничены решением 6-го Вселенского собора, в котором записано: «Повелеваем такое бывати, аще когда хоцеть погребати жену в мужском монастыри, мужа же не хоцемъ» [9, с. 423, л. 210]. Иными словами, в женском монастыре было запрещено иметь мужские захоронения. Это правовая сторона вопроса. Однако здесь присутствует и личный интерес епископа Илии – он был следующим, чтобы пополнить ряд лежащей в храме-усыпальнице «братии... преже нас бывшии епископи». Перспектива быть погребенным в любом другом месте его явно не устраивала.

Это решение устроило всех присутствующих, а главное – Евфросинию, которая сказала: «Рада, иду...». И в ту же ночь пошла на подаренное ей место. Здесь она поняла, какие великие труды ей предстоят.

Когда же могло произойти это событие? Опорной, крайней датой в этом определении может служить 1128 год. В начале этого года уходит из жизни князь Борис Всеславич, дядя (стрый) Евфросинии, который присутствовал на совещании у епископа Илии или в качестве полоцкого князя (до 1126 г.) или позже, как старейший в роду Всеславичей. В этом же году преставился и епископ Илия. Здесь необходимо сделать небольшое отступление от этой опорной даты на четверть века назад. Житие рассказывает вехи, по которым можно определить год рождения Предславы. Первая веха – это годы епископства в Полоцке Мины – 1105–1116 гг. В этот промежуток времени (11–12 лет) Предслава стала Евфросинией, т.е. ушла в монастырь к своей тетке, игуменье, вдове князя Романа Всеславича, который умер в 1116 г. Существенным моментом в этом событии может служить то обстоятельство, что князь Роман умер бездетным и княгиня Романя унаследовала все достояние умершего супруга, которого вполне хватило на устройство первого женского монастыря в полоцком замке, во дворе князя. Вдова Романа Всеславича четко осознавала, что ей некому при своей жизни передать двор и имущество, доставшееся ей после кончины мужа. Косвенным подтверждением того, что на Верхнем замке когда-то располагался женский монастырь, может служить упоминание «двора игуменьи» в городе [10, с. 148 (док. 222)]. Вот в этот, недавно основанный монастырь и направилась Предслава после того как ей исполнилось 12 лет. Досужие домыслы о том, что Предслава родилась в Витебске, а в монастырь ушла в Заславль, должны оставаться ни на чем не основанными домыслами [2, с. 499–508].²

² О невозможности ухода, тем более тайного, из Витебска в Заславль, а потом из Заславля в Полоцк говорит то обстоятельство, что вся территория между этими городами в XII в., да и много позже, была покрыта древними непроходимыми лесными массивами преодолеть которые не смог даже двоюродный брат Евфросинии Брючислав (Давыдович). В 1127 г. он с дружиною не мог пройти «ни семо ни онамо» и «иде шюрину своему в руке», потому что прямой дороги из Заславля в Витебск, а значит и в Полоцк, не было [1, с. 34, с. 17 (схема 3)]. Около 1300 года рижские купцы, например, готовы были заплатить цену коня (10 изроев-гривен), полюбившегося витебскому князю Михаилу Константиновичу, за услуги проводника на пути из Витебска в Смоленск [14, с. 76, 84].

В житии ясно написано, что Предслава-Евфросиния родилась, воспитывалась и проживала в Полоцке и не покидала его вплоть до совершения паломничества в Иерусалим, т.е. до 1167 г. (1173).

В каком же году могло произойти это событие (уход Предславы в монастырь), в корне изменившее жизнь и судьбу княжны? Во всяком случае, не позже 1116 года, года кончины епископа полоцкого Мины, а скорее всего именно в этом году. Отнимая от этой даты 12 лет, которые прожила Предслава до пострижения в монастырь, получим 1104 год – год предполагаемого появления на свет Предславы. Таким образом, можно предположить следующее – 1104 – год рождения княжны Предславы Святославовны и 1116 – год появления Евфросинии, инокини женского монастыря в Полоцке.

Некоторое время юная инокиня провела только в стенах первой своей обители, подчиняясь воле игуменьи и сестер и выполняя все предписания монастырского устава.

Однако со временем она поняла, что такое ее подвижничество должно быть дополнено трудами по собственноручному переписыванию книг для нужд всего Полоцка. Труд писца, каждодневный, изнурительный, тяжкий, был посилен только мужчинам. Взвалить его на свои слабые плечи было для отроковицы сродни подвигу. Но такое занятие требует уединения более полного, чем могла предоставить монастырская келья. Поэтому испросила Евфросиния у епископа Илии разрешения только на занятие этим трудом в «голке» соборной церкви Софии Премудрости Божией, который располагался в одной из ветвей П-образных хор собора. Она не находилась постоянно в «голке», а только переписывала в нем книги, оставаясь инокиней родного ей монастыря. Так продолжалось некоторое время, до тех пор пока не ушла из жизни игуменья монастыря, княгиня Романя. Вероятно, в связи с ее смертью первый женский монастырь прекратил свое существование по причине перехода двора князя Романа Всеславича в собственность наследников преставившейся игуменьи. Пока княгиня Романя была жива, она была владелицей двора на правах вдовы князя Романа. После же ее кончины право собственности на двор перешло к кому-то из наследников уже княгини. Косвенным свидетельством того, что Романей уже не было в живых в это время, является то, что ее не было среди участников совещания у епископа Илии, хотя ее присутствие было бы очень уместно.

Фактически для Евфросинии создалась, казалось бы безвыходная ситуация. Монастырь перестал существовать, а постоянно находиться в «голке» Софийского собора было невозможно. Это прекрасно понимали и Илия и Евфросиния. Выход из создавшейся ситуации нашел епископ – основание нового женского монастыря именно на церковной земле, на которую не сможет уже никто претендовать.

Необходимо отвергнуть как несостоятельные измышления о возможности неприязненного отношения Илии к Евфросинии [2, с. 499–508]. Внимательное, непредвзятое чтение жития убеждает в том, что взаимоотношения Илии и Евфросинии были основаны на христианской любви и дружбе, а не на интригах и кознях. Видя душевные страдания Евфросинии, епископ и решает дать ей возможность для устройства своего монастыря. При этом он предупреждает юную инокиню о великих трудах, которые ей предстоят, и дает ей понять, что он и после своей кончины будет ей помощником своими молитвами, присоединившись вскоре к голосам молящейся за нее братии, бывших епископов.

Эти события могли произойти в промежутке времени от 1120 до 1128 г., когда Илия стал полноправным епископом Полоцкой епархии. Не ранее 1120 г. он позволяет Евфросинии заниматься переписыванием книг в «голке» Софийского собора.

В ее собственность перешла земля с деревянной «церковицей» и, может быть, несколько таких же жилых и хозяйственных построек. Вся остальная территория Сельца с каменной церковью-усыпальницей продолжала оставаться подворьем Софийского собора.

Если предположение о том, что первый полоцкий женский монастырь перестал существовать в связи с кончиной игуменьи Романей верно, то Евфросинии пришлось в первую очередь заняться вопросами благоустройства монастыря. Надо было принять и где-то разместить своих духовных сестер, которые лишились не только своей игуменьи, но и крова над головой.

На решение этих вопросов ушли годы, отсчет которых надо вести с лета 1125 года. Благо, что деревянная «церковица» еще исправно служила нуждам обители. Все это происходило в преддверии важных событий, существенно повлиявших на дальнейшую судьбу монастыря.

В 1128 году уходят из жизни князь Борис Всеславич и епископ Илия. В 1129 году отец Евфросинии и все ее братья, кроме Василько, отправляются в десятилетнюю ссылку в Византию. На великокняжеский полоцкий стол восходят киевские ставленники. Не все князья были отправлены в ссылку с семьями, некоторые остались в Полоцке. Семьи отдельных князей и поддерживающих их бояр, видимо, подверглись каким-то притеснениям. В такой обстановке произошло естественное пополнение населения как мужского, так и женского монастырей. За их стенами жены и отпрыски князей и бояр искали защиты от притеснений. Не все из них приняли в дальнейшем постриг и стали иноками и инокинями, как приняла его Звенислава Борисовна, став Евпраксией. Но, скорее всего, как Звенислава они сделали вклады в монастыри. Житие упоминает только вклад Евпраксии, как очень значимый. Так

появились средства на строительство каменного храма, о котором, видимо, мечтала молодая игуменья, глядя на храм-усыпальницу и вспоминая Софийский собор.

Бесспорно, сразу возник вопрос: где, на каком месте строить? Первоначальная территория монастыря не была большой, тем более на ней только что были построены необходимые для монастыря здания. Лучшего места для постройки каменного храма чем то, на котором в свое время была срублена деревянная церковь Спаса нельзя было и придумать. Тем более что со временем она обветшала.

Вскоре изменилась политическая обстановка в Полоцке, и великокняжеский стол занял родной брат Евфросинии Василько. О более благоприятной обстановке для строительства каменного храма нельзя было и мечтать. И храм был построен, если наши расчеты верны, в 1133 году и освящен во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Такое посвящение было далеко не случайным. Деревянная церковь преобразилась в каменную, как преобразился Иисус, сопровождаемый Авраамом и Илией, перед своими избранными учениками на горе Фавор. Так же духовно преобразуются девы после обряда пострижения, становясь невестами Христовыми, принимая новое имя. Тем более в евангельском событии Преображения рядом с Христом пребывает ветхозаветный пророк Илия, небесный покровитель человека, которому Евфросиния была многим обязана.

Вид храма настолько порастил Евфросинию, что она после торжественного освящения церкви решает построить еще один каменный храм и основать мужской монастырь. На первый взгляд это решение кажется нелогичным. Но это только на первый взгляд. Зодчий Иоанн сумел собрать воедино искусных «делателей церковных», которые показали на что они способны. Среди этих «делателей церковных» были монахи-строители и художники. Не все из них были полочанами. Сохранить этих людей, привязать их к Полоцку – практическая цель, которую преследовала игуменья, решив построить еще одну каменную церковь и основать мужской монастырь.

То, что идея воздвигнуть мужской монастырь с церковью Богородицы возникла сразу после осмотра завершенной церкви Спаса, подтверждает житие: «Видевши преподобная Евфросиния монастырь свой украшен и всего блага исполнен, умысли создати вторую каменную церковь Святой Богородицы, и ту свершивше и иконами украси и освятив даст ю мнихам и бысть монастырь велик» [15, с. 13–14].

Где была построена церковь Богородицы и при ней устроен мужской монастырь точно сказать трудно. Существует предположение, что на территории великокняжеского двора на Бельчицах, кроме известного всем исследователям Борисоглебского мужского монастыря, существовал еще один монастырь – Богородицкий. Это предположение подтверждается документально. В начале XVI в. полоцкие бояре Корсаки подтверждают земельный вклад своих отцов Остафия и Зеновея, умерших в 1492 году, в Борисоглебский и Богородицкий монастыри на Бельчицах [12, с. 36–48].

Большой знаток полоцкой истории Л.В. Алексеев на личном экземпляре III тома Полоцких грамот особо, красным цветом, пометил слово «Богородицкий» в этом документе. Этот экземпляр хранится в библиотеке Спасо-Евфросиниевского монастыря.

Если местонахождение церкви Богородицы и одноименного мужского монастыря можно предположительно определить, опираясь на письменный источник, то о дате постройки храма Богородицы ориентировочно упоминает только житие преподобной – после освящения Спасо-Преображенской церкви. Других источников нет. В определении этой даты могут помочь только археологические раскопки и граффити храма Преображения Господня.

Предположительная дата постройки этого храма – 1133 г. – может служить точкой отсчета в определении даты постройки Евфросинией второго каменного храма.

Граффити настолько многозначное и многогранное явление, что даже своим отсутствием в определенном месте они говорят о многом. Но иногда обнаруженные граффити создают такие головоломки, что на их разгадку могут потребоваться годы и усилия многих исследователей. Это касается в первую очередь двух загадочных рисунков (рис. 1, рис. 2), обнаруженных на северной стене центральной части храма [3, с. 104–105. Граффити 101, 102. Табл. XII, 1–4]. Они расположены рядом и образуют пару, дополняя друг друга. Их объединяет и наличие буквосочетаний, которые прочерчены внутри рисунков и рядом с ними. Это сочетания букв M3 и MS. В нижней части графф. №101 слабо просматриваются буквы ME. Буквы расположены по вертикали на одной линии соответственно: два M и рядом с ними S и 3 и создают пары. Учитывая то, что буква S в раннем средневековье употреблялась на письме исключительно в качестве цифры 6, можно предположить, что эти сочетания букв являются цифрами: MS – 46; M3 – 47. Что могут обозначать эти цифры? Это не размеры частей треугольника – слишком эти части разнятся между собой, во всяком случае, не на одну какую-либо единицу. Можно предположить, что это окончания годовых дат (MS – 46; M3 – 47). Слева от этих цифр на поверхности треугольника и особенно женской фигуры просматриваются рельефы букв, которые, возможно, составляют начала годовых дат. Однако нет явных признаков указывающих на то, что эти буквы обозначают начальные цифры годов, т.е. нет тысячного знака, нет титл и т.д.

Рис. 1

Рис. 2

На данном этапе исследования имеются следующие данные по определению даты постройки церкви Богородицы. В «Житии...» – после завершения строительства Спасо-Преображенской церкви (по нашим подсчетам, после 1133 г.); в граффити – рисунок-схема и женская фигура; цифры-буквы M3 и MS, процарапанные на этих рисунках.

Особо надо остановиться на рисунке-схеме и определить его назначение. Значения треугольника многообразны, но одно из них – церковь. Это подтверждается наличием на стенах Киевского и Новгородского Софийских соборов, а также Спасо-Преображенской церкви в Полоцке треугольников с крестом на его вершине. Это упрощенное изображение храма вообще. На рисунке-схеме изображен треугольник, разделенный двумя горизонтальными линиями на три неравные части. Каждой части соответствует определенная цифра, начинающаяся с M – 40. Эту цифру дополняют 3 – 7 и S – 6, и, если, включить в этот ряд слабо видимое начертание буквы E – 5.

Полагаем, что рисунок-схема это поэтапный, погодовой упрощенный план строительства храма Богородицы одноименного монастыря в Полоцке. Наличие на стенах церкви погодowego плана не должно удивлять. Мнение о том, что в античные времена и в средние века строительство каменных зданий велось без чертежей опровергается исследованиями немецких ученых, которые изучали недостроенный древнегреческий храм Аполлона в Дидимах. На настенных и даже на половых плитах они обнаружили детальные строительные чертежи. Они сохранились по той простой причине, что храм был не достроен и его внутренние мраморные поверхности не были отшлифованы. Шлифовка внутренних поверхностей стен и полов в завершенных святилищах уничтожала тонкие (до 0,5 мм) линии чертежей.

Заключение. Как считают немецкие ученые, традиция строить по чертежам перешла через Византию и Рим в средневековую Европу [22, с. 86–95].

Если наше предположение о назначении буквенных знаков верно, то присоединяя эти буквы-цифры к цифрам, обозначающим XII в. *SX – 6600 (1092) получаем годовые даты: *SXME (6645), *SXMS (6646) и *SXM3 (6647) от сотворения мира или 1137, 1138, 1139 от Рождества Христова, в которые была, по нашему предположению, построена церковь во имя Пресвятой Богородицы мужского монастыря в Полоцке. Эти даты хорошо согласуются с датой постройки Спасо-Преображенского храма (1133 г.) и сведениями жития преподобной.

Рисунок-схема и изображение монахини на северной стене основного объема храма могли появиться в день его торжественного освящения, после того как Евфросиния, «умыслив» постройку второй каменной церкви, поделилась этой мыслью со строителями и художниками, которые без сомнения, присутствовали на торжестве. Рисунки находятся в таком месте и так низко, что их трудно заметить не согнувшись.

По-видимому, они прочерчивались, как точно выразился автор граффити № 79 и 80 из Новгородского Софийского собора, «...на преклонение колен писал» [7, с. 79 (рис. 63–64), 242]. Хотелось бы чаще читать с коленопреклонением надписи ушедших веков. Но такие случаи, к сожалению, крайне редки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – Полоцк : Издатель А.И. Судник, 2007. – (Наследие Полоцкой земли. Вып. 5).

2. Гаранин, С.А. Евфрасинья Полоцкая и епископ Илья: история стасункаў і прычыны канфлікту / С.А. Гаранин // Мельнікаў А.А. 3 неапублікаванай спадчыны : Манаграфія, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2005. – С. 499–508.
3. Залилов, И.З. Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. / И.З. Залилов. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2014. – 108 с.
4. Каргер, М.К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке / М.К. Каргер // СА. – 1977. – № 1. – С. 240–247.
5. Лаврентьевская летопись // Русские летописи / подгот. к изд. А.И. Цепков – Рязань: Александрия, 2001. – Т. 12. – 586 с.
6. Лихачев, Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. / Д.С. Лихачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Наука, 1983. – 640 с.
7. Мединцева, А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. – М.: Наука, 1978. – 311 с.
8. Мельнікаў, А.А. 3 неапублікаванай спадчыны : Манаграфія, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў / А. Мельнікаў. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2005. – 592 с.
9. Мерило Праведное по рукописи XIV века / Издано под наблюдением и со вступ. ст. академика М.Н. Тихомирова. – М.: Изд. АН СССР, 1961.
10. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 6 вып. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1978. – Вып. II. – 220 с.
11. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 6 вып. / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1980. – Вып. III. – 212 с.
12. Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские торжества 1910 года / монахиня Сергия (Бульчик) [и др.]. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 437 с.
13. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII в. / П.А. Раппопорт // СА. – 1980. – № 3. – С. 142–161.
14. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Народная асвета, 1977. – 399 с.
15. Сапунов, А.П. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (по трем редакциям) / А.П. Сапунов. – Витебск : Губ. тип., 1888. – 61 с.
16. Сарабянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабянов. – 2-е изд. – М.: Северный паломник, 2009. – 228 с.
17. Селицкий, А.А. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. / А.А. Селицкий. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 173 с.
18. Серегина, Н.С. Певческий цикл о Евфросинье Полоцкой – памятник XII века / Н.С. Серегина // История и археология Полоцка и Полоцкой земли : материалы науч. конф., посвященной 1125-летию Полоцка, Полоцк : Тип. им. Ф. Скорины, 1987. С. 52–53.
19. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. / И.И. Срезневский. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. – Т. 2 : Л – П. – 15 с.
20. Татищев, В.Н. История Российская : в 7 т. / В.Н. Татищев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, Ленингр. отделение, 1963. – Т. 2. – 352 с.
21. Турилов, А.А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов «семитысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси: числение лет, символика чисел, «отреченные книги», астрология, минералогия / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Р.А. Симонов. – М.: Наука, 1988. – С. 27–38.
22. Хасельбергер, Л. Строительные чертежи храма Аполлона в Дидимах / Л. Хасельбергер // В мире науки. – 1986. – № 2. – С. 86–95.
23. Черепнин, Л.В. Русская хронология / Л.В. Черепнин. – М.: [б. и.], 1944. – 94 с.

Поступила 01.07.2015

ON THE DATING OF THE ARCHITECTURAL MONUMENTS OF POLOTSK 11–12 CENTURY

I. ZALILOV

In the article datings of early medieval monuments of Polotsk (XI–XII centuries.) both the extant (Transfiguration Church) and known only from written and archaeological sources (the temple-tomb and The Church of the Blessed Virgin) are clarified. Such sources as graffiti of Transfiguration Church and unpublished results of dendrochronological analysis of wood substructure of the temple are used.